

И.Д. Норенкова

**РУССКИЕ ЖИТЕЛИ НА ТЕРРИТОРИИ
ВЫБОРГСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX в.**

I.D. Norenkova

**RUSSIAN RESIDENTS IN THE TERRITORY
OF THE VYBORG PROVINCE (GUBERNIYA)
AT THE EARLY 20th CENTURY**

Аннотация. Предметом исследования настоящей статьи является отражение влияния русских приезжих на приграничное финское население Карельского перешейка на рубеже XIX–XX вв. в источниках различного типа. Данная тема раскрывается на примере селений этого региона, в которых фиксировалась наибольшая численность русских, — рядом с финляндской железнодорожной веткой Санкт-Петербург–Рийхимяки, обеспечивавшей транспортную доступность. Цель исследования заключается в отображении нового вектора русско-финских отношений, получивших свое развитие вследствие заметного миграционного потока из центра империи. На территорию Карельского перешейка прибывал разнообразный по социальному составу контингент русских приезжих: столичная интеллигенция, рабочие, крестьяне, а также революционные элементы, скрывавшиеся от полицейского надзора. Фактор границы, т.е. менее контролируемой российскими властями территории, давал возможность революционерам проводить собрания, относительно открыто взаимодействовать с финскими оппозиционными группами, при этом избегая наказания по причине невмешательства финских властей. Примечательно, что география миграционного процесса не ограничивалась только близлежащим мегаполисом: приводятся случаи миграций из Минской, Ярославской и Владимирской губерний, что ранее в историографии не отмечалось. Помимо дачного отдыха, развлечений и туризма, Великое княжество Финляндское привлекало возможностью заработать: у финских жителей покупали землю для последующей перепродажи по более высокой цене, оказывались различные услуги для обеспечения нужд дачников (строительство, обслуживание дач, продуктовая торговля). Встречались и случаи нелегальных заработков русских, связанные с продажей спирта из России, провоз которого на территорию Финляндии был

---

* *Норенкова Ирина Дмитриевна*, аспирант кафедры истории России XIX — начала XX века исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Norenkova Irina Dmitrievna, Postgraduate Student, Department of the History of Russia in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

+7-910-123-2007; Irina.norenkova@yandex.ru

запрещен, карался солидными штрафами и даже тюремным заключением. Тесные контакты с русским населением оказывали непосредственное влияние на местных финских жителей, которые стали говорить на смеси русского и финского языков, отказывались от крестьянского традиционного быта, перенимая столичные привычки. Рубеж веков ознаменовался формированием взаимности в пограничных русско-финских контактах, которые стали более личными и неформальными после отказа сторон от существовавших стереотипов, насаждаемых политической повесткой.

Ключевые слова: Карельский перешеек, Великое княжество Финляндское, Санкт-Петербург, Выборгская губерния, социокультурные контакты, дачи, миграции.

Abstract. The article examines the information on the influence of Russian newcomers on the border Finnish population of the Karelian Isthmus at the turn of the 19th and 20th centuries. It deals with the villages of this region, where the largest number of Russians was recorded, i. e. next to the Finnish railway line “Saint Petersburg–Riihimäki”, which provided transport accessibility. The aim of the study is to analyze a new vector of Russian-Finnish relations, which developed as a result of a noticeable migration flow from the center of the empire. A social profile of Russian newcomers to the territory of the Karelian Isthmus varies: the capital’s intelligentsia, workers, peasants and revolutionary elements hiding from police surveillance. The border factor, that is, the fact that this territory was less controlled by the Russian authorities, made it possible for the revolutionaries to hold meetings, to interact relatively openly with Finnish opposition groups, while avoiding persecution due to non-interference by the Finnish authorities. It is noteworthy that the geography of the migration process was not limited only to the nearby metropolis. There are cases of migrations from Minsk, Yaroslavl and Vladimir provinces, previously neglected in historiography. In addition to dacha resting, entertainment and tourism, the Grand Duchy of Finland provided people with the opportunity to earn money: they bought land from Finnish residents for subsequent resale at a higher price, or they provided various services to meet the needs of summerfolk (construction, maintenance, grocery trade). There were also illegal sales of alcohol by Russians. Since its transportation in the territory of Finland was banned, the culprits could be substantially fined and even imprisoned. Close links with the Russian population impacted the local Finnish residents, who began to mix Russian and Finnish languages, abandoned the traditional peasant way of life and adopted the capital’s habits. The turn of the century was marked by reciprocity in the border Russian-Finnish relations, which became more personal and informal after the parties rejected the stereotypes imposed by the political agenda.

Keywords: Karelian Isthmus, Grand Duchy of Finland, Saint-Petersburg, Viborg province, sociocultural contacts, dacha, migrations.

* * *

Территория Выборгской губернии, в частности Карельский перешеек, на рубеже XIX–XX вв. представляла собой зону интенсивных пограничных контактов двух народов, русских и финнов,

в силу своего исторического, географического и социокультурного положения. Наиболее тесные связи устанавливались в тех приграничных селениях, через которые пролегла железнодорожная ветка Санкт-Петербург–Рийхимяки, связавшая центр империи с Великим княжеством Финляндским в 1870 г. Эти селения — Териоки, Куоккала, Оллила и Райвола — привлекали русских подданных из различных регионов Российской империи: дачников, предпринимателей и даже революционных деятелей. Каждая из указанных социальных групп имела свои причины пребывания здесь и характерные занятия, привнося разнообразие в жизнь коренных обывателей Карельского перешейка.

Основной пласт работ по данной тематике исследует образ жизни и деятельность русской публики, приезды которой в этот регион к концу XIX в. становились все более частыми, а пребывание — продолжительным. Краеведческие и этнографические труды по истории Карельского перешейка и Выборгской губернии занимают одно из ведущих мест среди постсоветской и современной историографии, касающейся проблемы социокультурных контактов русских и финнов. Подобное направление представлено в основном петербургской школой историков и краеведов — В. Мусаевым, Е. Балашовым, А. Румянцевым¹. Авторы рассматривают преимущественно различные аспекты времяпрепровождения петербургской интеллигенции на территории Выборгской губернии, уделяя другим социальным группам приезжих меньше внимание. Скорее, это можно объяснить большей заинтересованностью в изучении частной жизни известных лиц, которая к тому же наиболее полно освещена в разнообразных источниках.

Современная зарубежная историография обращается к проблеме контактов на Карельском перешейке в контексте развития русско-финских отношений рубежа веков, при этом особо отмечая кризисные и политические проблемы региона. Наряду с финскими и шведскими, можно отметить и других зарубежных историков:

---

¹ Мусаев В. Русская дачная жизнь на Карельском перешейке в конце XIX — начале XX в. и финляндское общественное мнение // *Международные отношения и диалог культур*. 2015. № 4; Мусаев В. Миграционные контакты между Петербургской и Выборгской губерниями (XIX — начало XX века) // Санкт-Петербург и Страны Северной Европы. СПб., 2006; Мусаев В. Великое княжество Финляндское и русские революционеры (начало XX века) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2004; Мусаев В. Проблема российско-финляндской границы на Карельском перешейке в XIX — начале XX вв. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2002; Балашов Е. Карельский перешеек — земля неизведанная. Ч. 1. СПб., 1998; Балашов Е. Русские усадьбы на Карельском перешейке // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2003; Исторический очерк Русская Райвола XIX — начала XX века // *Русская Райвола XIX — начала XX века: сборник документов* / Сост. А.Г. Румянцев. СПб., 2015.

А. Куяла, Э. Кяхянен, Р. Швейцера, К. Лэм². На фоне интереса к политической повестке в русско-финских отношениях зарубежные авторы фокусируются на деятельности русских революционеров на территории Великого княжества Финляндского в начале XX в.

Данная тема обеспечена широким кругом источников, включающим несколько групп: это делопроизводственная документация различных учреждений Выборгской и Санкт-Петербургской губерний, хранящаяся в фондах ЦГИА СПб., РГИА и архиве г. Выборга; материалы периодической печати Выборгской губернии; материалы личного происхождения известных людей, посещавших этот регион³; географические описания, путеводители⁴ и разнообразные справочные материалы.

Наиболее информативные сведения о приезжей публике имеются в делопроизводственной документации контор коронных ленсманов Райвольского и Терийокского округов Выборгского губернского правления, содержащей данные о количественном и социальном составе русских подданных⁵. Пестрая структура приезжих также отражается в периодических изданиях Выборгской губернии, статьи которых включают информацию о жизни русских в окрестностях Кивинебского прихода⁶.

Представителей различных социальных слоев «поставляла» в Финляндию в первую очередь столица Российской империи — Санкт-Петербург. В пореформенное время Петербург превратился

---

² *Kujala A.* Finnish radicals and the Russian revolutionary movement, 1899–1907 // *Revolutionary Russia*. 1992. N 5; *Куяла А.* Кризис в русско-финских отношениях (1899–1916) // *Русский сборник: исследования по истории России*. Т. XVII: Финляндия и Россия. М., 2015; *Кяхянен Э.* Прежние Терийоки — деревенские воспоминания, Коуволла, 1982. — URL: <https://terijoki.spb.ru/history/templ.php?page=kahon1&lang=ru> (дата обращения: 12.10.2019); *Швейцер Р.* Консенсус в период между «нарушениями конституции»: российско-финляндские отношения от царствования Николая I до Февральского манифеста (1826–1899) // *Русский сборник: исследования по истории России*. Т. XVII: Финляндия и Россия. М., 2015; *Lam K.* Shared space, varied lives: Finnish-Russian interactions in dacha country, 1880s–1920s. *Diss. Michigan*, 2013.

³ *Андреев В.* Детство. М., 1964; *Анненков Ю.* Дневник моих встреч. Т. 1–2. М., 1991; *Лихачев Д.* Об интеллектуальной топографии Петербурга первой четверти 20 века. Из воспоминаний // *Заметки и наблюдения*. СПб., 2017; *Коковцов В.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919. Т. 1. Париж, 1933; *Милюков П.* Воспоминания. М., 1991.

⁴ *Грэнхаген К.* Спутник по Финляндии 1899–1914. СПб., 1914; План и путеводитель в Териоках. Гельсингфорс, 1902; Путеводитель по Финляндии / Под ред. Карелина. СПб., 1911; *Сакслин Т.* Путеводитель по Выборгу и окрестностям. Выборг, 1915.

⁵ Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге. Ф. 52. Оп. 1. Д. 174. Список русских подданных, проживавших в Райвола (фрагмент); Д. 22. Списки дачевладельцев и дачников в Райвола, Куоккала и Териоки за 1887 г.; Ф. 63. Оп. 1. Д. 263. Выписки из протоколов заседаний уездного суда о переходе недвижимого имущества к новому владельцу.

⁶ Териокский дневник. 1913; Приезжий. Выборг, 1912.

в крупный промышленный город, с постоянно растущим числом фабрик и их работников, что усложняло и без того непростую санитарную и жилищную ситуацию в мегаполисе⁷. Одновременно шло проникновение в среду горожан европейских идей о возможности путешествий и отдыха. Развитие путей сообщения, урбанизация, усугубление негативных сторон городской среды и другие факторы повлияли на становление дачной жизни как явления массовой культуры⁸, и с 1880-х гг. обычай проживания в загородном доме (на даче) стал распространяться уже не только на дворян, но и представителей других социальных групп.

Интерес к финляндскому направлению дачного отдыха возник к последней трети XIX в., чему способствовало строительство железных дорог, а также растущая необходимость поиска новых рекреационных мест. Рекламные брошюры, путеводители и газетные статьи пестрели описаниями преимуществ Великого княжества Финляндского: «знакомство с окрестностями Санкт-Петербурга убеждает, что единственной стороной, куда столичный обыватель может направить свои поиски, — Финляндия. Есть и другие места, но они сопряжены с целым рядом климатических и почвенных неудобств»⁹. Прежде всего, отмечались достоинства финляндских железных дорог: четкое расписание, чистота, вежливость и предупредительность поездной службы, что «не делало разницы между путешествиями по немецким и финляндским железным дорогам»¹⁰. Во-вторых, упоминалась живительная сила финской природы, прекрасная колодезная вода и воздух, отсутствие винных магазинов, что способствовало трезвости местного крестьянского населения¹¹. Третьим и самым распространенным фактором возросшего интереса к Великому княжеству Финляндскому стала малоизвестная для русского общества финская культура. Несмотря на почти столетнее вхождение Финляндии в состав Российской империи, а также близость к Санкт-Петербургу, эта область воспринималась русским обществом как иностранное государство¹². Современники считали территорию Финляндии свободной по определению, «поистине

---

⁷ Малинова-Тзиафета О. Из города на дачу. СПб., 2013. С. 13.

⁸ Там же. С. 14.

⁹ Каунис и Тойвола. Имена инженера путей сообщения Орловского В.К. СПб., 1913. С. 4.

¹⁰ Финляндский вестник политики, культуры, промышленности и торговли. СПб., 1910. № 8; Каунис и Тойвола. Имена инженера путей сообщения Орловского В.К. С. 5.

¹¹ Маршак С. Собр. соч. в 8 т. Т. 6.: В начале жизни (страницы воспоминаний). М., 1971. С. 170; Каунис и Тойвола. Имена инженера путей сообщения Орловского В.К. С. 7, 11.

¹² Швейцер Р. Указ. соч. С. 176.

демократичной»¹³, без жесткого полицейского контроля, который их преследовал в столичном Петербурге: «здесь не страшно, здесь чувствуешь себя за пределами досягаемости»¹⁴.

Общие тенденции развития культуры того времени также отразились на дачной жизни Финляндии и сказались на мотивации загородных поездок. В конце 1880-х гг. дача воспринималась, скорее, как место, где можно было отдохнуть и поправить свое здоровье, — этим обусловлены посещения Финляндии М.Е. Салтыковым-Щедриным, Д.И. Менделеевым, М.А. Балакиревым, постоянное жительство там С.П. Боткина, И.Е. Репина, К.И. Чуковского и других. С началом эпохи Серебряного века дачная жизнь включила в себя также категорию эстетического пространства¹⁵, которое создала эпатажная петербургская публика и старалась распространить его на все места своего пребывания. Новые ощущения символистов образно передал Осип Мандельштам: «Я всегда смутно чувствовал особенное значение Финляндии для петербуржца, и что сюда ездили додумать то, чего нельзя было додумать в Петербурге, нахлобучив по самые брови низкое снежное небо и засыпая в маленьких гостиницах, где вода в кувшине ледяная»¹⁶.

О соотношении массива русских приезжих и финских граждан говорить сложно, так как источники представляют разную и обрывочную информацию. Наиболее репрезентативны данные о численности населения в Терийоки, где в начале XX в. в летнее время насчитывалось более 50 тысяч жителей¹⁷. Исследователи приводят схожий порядок цифр, указывая численность отдыхающих от 46,5 тысяч человек в 1912 г.¹⁸ до 55 тыс. человек и больше¹⁹. При этом постоянное население Кивинебского и Новокирхского приходов равнялось 35 тыс. человек²⁰, что было значительно меньше числа русских приезжих.

По мере закрепления образа Карельского перешейка как пригородной дачной местности столицы происходил наплыв сюда не

¹³ Куприн А. Собр. соч. в 9 т. Т. 9. М., 1964. С. 150.

¹⁴ Осинский В. Атаман Лбов — гроза Урала // Дачный курьер — газета, журнал, книга. СПб; Териоки (Выборгская губ.), 1908. С. 12.

¹⁵ Деотто П. Дачная традиция в Серебряном веке // *Pietroburgo capitale della cultura Russa* = Петербург столица русской культуры. Salerno, 2004. С. 337.

¹⁶ Мандельштам О. Шум времени. М., 2016. С. 136–137.

¹⁷ Грэнхаген К. Спутник по Финляндии 1899–1914. СПб., 1914. С. 35.

¹⁸ Мусаев В. Миграционные контакты между Петербургской и Выборгской губерниями... С. 279.

¹⁹ Балашов Е. Карельский перешеек — земля неизведанная. СПб., 1998. С. 110; Кяхенен Э. Указ соч.

²⁰ Мусаев В. Миграционные контакты между Петербургской и Выборгской губерниями... С. 279.

только состоятельной русской интеллигенции, но и рабочих рук. В конце 1880-х гг. дачники привозили с собой прислугу для обеспечения своих нужд: чаще всего это были нянечки, горничные и повара. Такая ситуация фиксировалась в списках дачевладельцев, например: «Верещагин (сам, жена, 8 детей и 5 человек прислуги) ... вдова Гарянская (сама и прислуга)»²¹. Немного позже, с началом строительного бума, на территорию Выборгской губернии стали прибывать также русские мастеровые: каменщики, штукатуры, маляры, столяры и другие, которые выполняли свою работу более качественно, чем местные, и не требовали высокой оплаты своего труда²². По данным историка В. Мусаева, русские рабочие артели даже строили дороги в финских городах. О масштабах строительства на Карельском перешейке говорит тот факт, что помимо русских и финских мастеровых, встречались также рабочие из близлежащей Эстляндии²³. Параллельно происходило развитие экономических отношений, отражавшееся в проникновении русских торговцев, пекарей, сапожников, трактирщиков, извозчиков и других, которые, как отмечает финский историк Э. Кяхенен, через несколько лет окончательно оседали в этих селениях²⁴. Это коррелируется с данными делопроизводственных документов, например, со «Списком русских подданных, проживающих в Райвола», в котором указан род их занятий: «Кастров Александр Григорьевич, плотник; Гарнестаева Людмила Семеновна, прислуга замужняя; Шапирка Павел Николаевич, мещанин»²⁵.

География иммиграционных потоков была разнообразна: по записям за 1903 г. встречались упоминания Костромской губернии, Покровского уезда Владимирской губернии, Слуцкого уезда Минской губернии²⁶, «разносчиками бывали и ярославцы»²⁷. Можно предположить, что всех этих людей Выборгская губерния привлекала в качестве места работы, которой на пике сезона хватало всем. Кроме того, не только обеспеченные слои русского общества, но также и приезжие крестьяне выкупали у местных финских жителей землю, о чем свидетельствуют акты купли-продажи, включенные в прото-

---

²¹ Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге. Ф. 52. Оп. 1. Д. 22. Списки дачевладельцев и дачников в Райвола, Куоккала и Териоки за 1887 г. Л. 1–1 об.

²² Мусаев В. Миграционные контакты между Петербургской и Выборгской губерниями... С. 279.

²³ Кяхенен Э. Указ. соч.

²⁴ Там же.

²⁵ Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге. Ф. 52. Оп. 1. Д. 174. Список русских подданных, проживавших в Райвола (фрагмент). Л. 1.

²⁶ Там же.

²⁷ Лихачев Д. Указ. соч. С. 42.

колы заседаний уездного суда о переходе недвижимого имущества к новому владельцу в деревне Терийоки²⁸. Мотивом приобретения таких участков являлся, скорее, уже не дачный отдых, а обработка земли для снабжения продуктами обеспеченных дачников или сдача в аренду с целью получения владельцем хорошей прибыли.

Не всегда занятия русских подданных в Великом княжестве Финляндском были законными. По сообщениям местной прессы, был распространен тайный провоз спирта и торговля им: 30 июля 1913 г. на таможене станции Терийоки были задержаны с бутылками русского спирта Наталья и Матрена Храмовы, жительницы Райволы. При обыске в их одежде также были найдены еще 7 полубутылок спирта²⁹. Другой случай был связан с местным торговцем духами, в портфеле которого при задержании, было обнаружено 20 соток спирта³⁰. Для финнов борьба с нелегальной торговлей спиртом имела серьезное значение в силу распространения пьянства среди местного населения — в 1905 г. некоторые общественные организации выдвигали требование о запрете продажи в Финляндии не только крепких напитков и вина, но также пива, чтобы в «недалеком будущем Финляндия стала трезвой страной»³¹. В 1907 г. финляндский сейм разработал законопроект о запрете продажи в стране спиртных напитков, однако окончательно он принят не был. С проблемой контрабанды крепкого алкоголя и русского спирта, в частности, боролись путем конфискации: «за январь–июль 1913 г. на Териокской таможене конфисковано 441 бутылок спирта и 283 бутылки водки»³², а также солидными штрафами в 100 финских марок (37,5 рублей) или тюремным заключением на 20 дней³³.

Не обходилось без правонарушений разного рода и со стороны местных финских жителей. Они чаще отличались «лихачеством» на дорогах, из-за чего люди получали увечья³⁴, стремлением обмануть

---

²⁸ «Из принадлежащей мне 1/6 части имения в доме № 8 в деревне Териоки, Кивинебского стана Выборгской губернии, мы нижеподписавшиеся, продаем и передаем крестьянину Тверской губернии Старицкого уезда Павлу Никифоровичу тот земельный участок на углу Большой Териокской дороги и Сажинеского переулка с долгами 235 рублей, за 5 рублей за русскую сажень, а всего за 1175 рублей. Териоки, сентябрь 1906 г.» (Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге. Ф. 63. Оп. 1. Д. 263. Выписки из протоколов заседаний уездного суда о переходе недвижимого имущества к новому владельцу. Л. 12–12 об.). См. также: РГИА. Ф. 1361. Оп. 1. Д. 127. Купчие на земельные участки в деревне Териоки, Териокского прихода Выборгской губернии. Л. 11–12.

²⁹ Териокский дневник. 1913. № 9.

³⁰ Там же. № 8.

³¹ *Грэнхаген К.* Указ. соч. С. 52.

³² Териокский дневник. 1913. № 8.

³³ Там же. № 9.

³⁴ Финляндская газета. 1908. № 106.

русских туристов ради наживы, а также конфликтами из-за земельных участков. Например, о последнем случае упоминает П.Н. Милюков, указывая, что его дача «была сожжена добрыми финляндскими соседями», чтобы побудить его продать эту землю³⁵.

Помимо отдыха, развлечений и не всегда легального заработка для русских подданных Великое княжество Финляндское было особенно привлекательным для такой их группы, как революционные и оппозиционные элементы, которые выбрали эту местность в качестве ближайшей базы и убежища³⁶. Финляндия и Карельский перешеек в частности обладали выгодной географической близостью к столице империи, что позволяло, при нахождении «за границей», быстро перемещаться в Петербург для участия в политических событиях. Кроме того, граница обеспечивала безопасность для проведения конференций и совещаний партий, участники которых не рисковали быть арестованными³⁷ по причине действовавшей автономной юрисдикции. Постоянное присутствие русских революционеров в Финляндии поддерживалось разными финскими оппозиционными группировками³⁸, которые после убийства в 1904 г. активного «русификатора» генерал-губернатора Н.И. Бобрикова перешли к активной фазе сопротивления политике империи.

Одним из популярных мест Выборгской губернии среди революционных элементов была Куоккала, где, по сообщениям путеводителей, «находили приют эмигранты, преследуемые русским правительством»³⁹, «готовились злодейские покушения на представителей власти в Петербурге, экспроприации и даже была организована фабрика бомб»⁴⁰. Эта местность получила известность по пребыванию там В.И. Ленина, который скрывался от петербургской полиции и в 1906 г. поселился на даче «Ваза»⁴¹. Ленин посещал дачу семьи Анненковых, на которой некоторое время проживала революционерка Вера Фигнер, участница подготовки покушений на императора Александра II: «Вера Николаевна сразу же из своей одиночной камеры переехала к нам в Куоккалу. В имении было два дома: в одном жила наша семья, другой дом сдавался в наем. В этот год, ввиду всевозможных тревожных событий, второй дом временно пустовал, и в нем по-

---

³⁵ Милюков П. Воспоминания. С. 314.

³⁶ Аврех А. Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991. С. 137.

³⁷ Балашов Е. Карельский перешеек — земля неизведанная. С. 34.

³⁸ Мусаев В. Великое княжество Финляндское и русские революционеры... С. 283.

³⁹ Грэнхаген К. Указ. соч. С. 34.

⁴⁰ Путеводитель по Финляндии / Под ред. Карелина. С. 44.

⁴¹ Анненков Ю. Указ. соч. Т. 2. С. 255.

селилась Фигнер... Пребывание в Куоккале Фигнер считала своим воскресением, возвратом к жизни»⁴².

Географическая доступность Выборгской губернии для столичного общества и ее особый статус создавали условия для тех событий, которые произошли на ее территории летом 1906 г. Новость о роспуске Государственной думы застала многих депутатов на их летних дачах на территории Карельского перешейка, где и было решено собрать совещание: «К вечеру стало уже известно, что в Выборг прибыло большое количество членов распущенной Думы, а затем стало известно и о знаменитом заседании, открытом Муромцевым его заявлением “заседание Государственной Думы возобновляется”»⁴³. Результатом заседания в выборгской гостинице «Бельведер» стало появление «Выборгского воззвания», призывавшего к пассивному сопротивлению правительству в виде неуплаты налогов и отказа от военной службы до созыва новой Думы. Эти политические события, происходившие на территории Выборгской губернии, обсуждались в иностранных изданиях, которые пытались спрогнозировать дальнейшее развитие ситуации: «...не ожидается немедленного революционного мятежа, но локальные беспорядки могут иметь место»⁴⁴. Акции 1906 г. еще более политически «окрасили» данную местность, а гостиницу «Бельведер» превратили в новую своеобразную туристическую достопримечательность, что нашло отражение в путеводителях по Финляндии⁴⁵.

Другим известным среди революционных и правительственных кругов местом являлся поселок Терийоки, который после 1905 г. стал опорной базой революционеров в Финляндии⁴⁶. Летом 1906 г. селение приковало к себе взгляды публики по причине произошедшего там убийства М.Я. Герценштейна, члена I Государственной думы от партии кадетов. Депутат проживал здесь с семьей, в том числе по причине географической близости к вышеописанным выборгским событиям 1906 г. Расследование данного убийства показало причастность к нему черносотенной монархической организации «Союз русского народа». Герценштейн активно выступал в Думе по аграрному вопросу, чем и привлек внимание черносотенцев, видевших в нем угрозу для существующего строя. Само убийство подготавливалось

---

⁴² Там же. С. 254–255.

⁴³ Коковцов В. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919. Т. 1. Париж, 1933. С. 219.

⁴⁴ The Guardian. 1906. N 18766.

⁴⁵ Грэнхаген К. Указ. соч. С. 42; Путеводитель по Финляндии / Под ред. Карелина. С. 70.

⁴⁶ Мусаев В. Великое княжество Финляндское и русские революционеры... С. 286.

без должной конспирации и даже с налетом некоторой бравады: участники преступления демонстрировали служащим гостиницы револьверы и панцири, называя себя революционной летучей боевой дружиной⁴⁷. Депутат Герцентшейн был убит 18 июля 1906 г. двумя выстрелами во время прогулки на берегу Финского залива. Подобные эксцессы имели широкое освещение в российской и иностранной прессе, которая осуждала террор, приписывая его революционным организациям⁴⁸.

Кроме того, Терийоки приобрел широкую популярность среди русской интеллигенции по причине проводимых там съездов различных оппозиционных политических партий⁴⁹. Так, лидер Конституционно-демократической партии П.Н. Милюков вспоминал: «На летнее время я с семьей поселился на даче возле Териок, за границей Белоострова. Выбор места был сделан с умыслом. Собраться в Петербурге членам партии было невозможно; местом наших политических сборищ, более или менее конспиративных, сделалась с этих пор Финляндия. Собрать полный съезд также было нельзя; мы собрали в Териоках партийное совещание, на которое членам полагалось приезжать и приходиться поодиночке»⁵⁰. Такая тенденция подтверждается данными Министерства внутренних дел: только в 1907 г. сообщалось о проведении 15 заседаний и конференций русских социал-демократических и эсеровских партий в Терийоки, Куоккала и Тампере⁵¹ (Таммерфорс, Тавастгусская губерния Великого княжества Финляндского).

Разыскиваемые лица могли длительное время скрываться на территории Великого княжества Финляндского, так как финские власти предпочитали не вмешиваться в дела подобного рода. На запросы МВД и Департамента полиции Российской империи о розыске и «немедленном аресте финляндскими властями и препровождении затем под стражей в Санкт-Петербург»⁵² политических укрывающихся и революционных элементов от финских чиновников обычно приходили отписки. Показательна ситуация, которая развернулась вокруг Всероссийского съезда учителей вблизи Выборга в июне 1907 г. Департамент полиции сообщал в статс-секретариат Великого княжества Финляндского, что «собравшиеся занимаются обсуждением вопро-

---

⁴⁷ Там же. С. 207.

⁴⁸ The New York Times. 1909. N 18866.

⁴⁹ Грэнхаген К. Указ. соч. С. 35.

⁵⁰ Милюков П. Воспоминания. С. 274.

⁵¹ Мусаев В. Великое княжество Финляндское и русские революционеры... С. 288.

⁵² РГИА. Ф. 1361. Оп. 1. Д. 55. О политических, укрывающихся в Финляндии. Л. 7.

сов политического свойства и агитацией среди учащейся молодежи и сельского населения под руководством финляндца, корреспондента русских газет, бывшего офицера Гренгагена, эстонского учителя Тюни, а также шведа Эмана, сына директора Саймонского канала»⁵³. Позже в письме финляндского генерал-губернатора сообщалось, что по причине позднего получения сведений о съезде какие-либо меры предпринять не удалось. Такое пассивное отношение местных должностных лиц встречалось довольно часто и не могло не усугубить общего кризисного положения русско-финских отношений, окончательно закрепившегося с изданием новых антифинляндских мер в 1910 г. «единомышленниками Бобрикова»⁵⁴.

Таким образом, разнообразный по составу приток русских приезжих затрагивал все сферы жизни Карельского перешейка — от экономики и быта до культуры⁵⁵ и политических процессов, делая эту территорию не просто тихой дачной местностью для высших слоев. В начале XX в. Выборгская губерния и ее Кивинебский приход в частности представляли собой область с пестрым социальным составом русской публики, который сложился и поддерживался за счет постоянных и сильных миграционных потоков с территории Российской империи. Русские подданные приезжали на Карельский перешеек не только из близлежащего мегаполиса, но и из отдаленных уголков империи, что свидетельствовало о знакомстве с особенностями данного региона и достаточно широком интересе к нему в России.

В свою очередь, интенсивные контакты с русскими приезжими оказали влияние на местное финское население. К началу XX в. на территории Выборгской губернии можно говорить об «эффекте русских дачников», который привнес изменения в язык и традиции местных жителей: некоторые финны Карельского перешейка стали говорить на смеси финского и русского языков⁵⁶, почти полностью отошли от традиционного быта, частично скопировав образ жизни

---

⁵³ РГИА. Ф. 1361. Оп. 1. Д. 57. О съезде учителей, происходившем в поселке Юстила Выборгской губернии. Л. 1–10б.

⁵⁴ Финляндский вестник политики, культуры, промышленности и торговли. СПб., 1910. № 2.

⁵⁵ Религиозная составляющая отражалась в строительстве православных церквей, которые возводились при финансовой помощи русской публики. Например — домовая церковь в усадьбе С.П. Боткина в Кирстиняла, церкви Преображения в Мустаяки и Уссикирко, церковь Всех Скорбящих Радость в Ваммельсуу и др. (Велиховский Л. Культурное пространство и культурные гнезда Выборгской Финляндии // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2009. С. 111).

⁵⁶ «У заборов дач останавливались разносчики и финские возки: “молоко, метана, ливки”» (Лихачев Д. Указ. соч. С. 48).

петербуржцев⁵⁷. Вместе с тем шел параллельный процесс финского воздействия на часть русского населения: встречались случаи окончательного разрыва с империей и перехода к постоянному проживанию на территории Карельского перешейка, а также принятия гражданства Великого княжества Финляндского.

Развитие коммуникации русских приезжих и коренных финских жителей помогало сторонам избавляться от существовавших стереотипов: финляндцы перестали воспринимать «русских как захватчиков», а русская приезжая публика больше не считала финнов чужеродным и пассивным элементом империи. Пересечение границы было достаточно легким в начале XX в. Выезжая за границу и контактируя с местным населением, определенная часть русской публики глубже знакомилась со шведско-финской культурой. Схожий процесс наблюдался и у некоторой части финнов, которые были увлечены приобщением к неизвестному для них, привезенному из-за границы русскому стилю жизни.

References

Avrekh A.Ya. *Stolypin i sud'by reform v Rossii* [Stolypin and the Fate of Reforms in Russia]. Moscow: Politizdat, 1991. 286 p.

Balashov E.A. *Karel'skiy peresheyek — zemlya neizvedannaya* [The Karelian Isthmus Is an Unknown Land]. Part 1. Saint Petersburg: Izdatel'stvo V. Valdina — Novoye Vremya, 1998. 180 p.

Balashov E.A. *Russkiye usad'by na Karel'skom peresheyke* [Russian Estates on the Karelian Isthmus] // *Sankt-Peterburg i strany Severnoy Yevropy* [Saint Petersburg and the Countries of Northern Europe]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Russkogo khristianskogo gumanitarnogo instituta, 2002. P. 253–256.

Deotto P. *Dachnaya traditsiya v Serebryanom veke* [Dacha Tradition in the Silver Age] // *Peterburg — stolitsa russkoy kul'tury II* [Saint Petersburg, the Capital of Russian Culture II]. Salerno: Europa Orientalis, 2004. P. 335–348.

Istoricheskiy ocherk. Russkaya Raivola XIX — nachala XX veka [Historical Essay. Russian Raivola in the 19th and Early 20th Century] // *Russkaya Raivola XIX — nachala XX veka: Sbornik dokumentov* [Russian Raivola in the 19th and Early 20th Century: A Collection of Documents] / Compiler A.G. Rumyantsev. Saint Petersburg: Ostrov, 2015. 160 p.

Kujala A. Finnish Radicals and the Russian Revolutionary Movement, 1899–1907 // *Revolutionary Russia*. 1992. № 5. P. 172–192.

Kujala A. *Krizis v russko-finskikh otnosheniyakh (1899–1916)* [Crisis in Russian-Finnish Relations (1899–1916)] // *Russkiy sbornik: Issledovaniya po istorii Rossii* [Russian Collection: Studies in the History of Russia]. Vol. XVII: *Finlyandiya i Rossiya* [Finland and Russia]. Moscow: Modest Kolerov, 2015. P. 198–212.

---

⁵⁷ Упоминания совместного досуга русских и финнов содержатся в воспоминаниях современников — Д.С. Лихачева, Ю.П. Анненкова.

Lam K. *Shared Space, Varied Lives: Finnish-Russian Interactions in Dacha Country, 1880s–1920s*: Diss. Michigan: Michigan State University, 2013. 295 p.

Likhachev D.S. *Ob intellektual'noy topografii Peterburga pervoy chetverti dvadtsatogo veka. Iz vospominaniy* [On the Intellectual Topography of Saint Petersburg in the First Quarter of the 20th Century. From Memoirs] // *Zametki i nablyudeniya* [Notes and Observations]. Saint Petersburg: Azbuka-klassika, 2017. 448 p.

Malinova-Tziafeta O.Yu. *Iz goroda na dachu: sotsiokul'turnyye faktory osvoeniya dachnogo prostranstva vokrug Peterburga (1860–1914)* [From the City to the Dacha: Socio-Cultural Factors behind the Creation of Petersburg's Dacha Belt (1860–1914)]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Yevropeyskogo universiteta, 2013. 336 p.

Musayev V.I. *Migratsionnyye kontakty mezhdu Peterburgskoy i Vyborgskoy guberniyami (XIX — nachalo XX veka)* [Migration Contacts between the Petersburg and Vyborg Provinces in the 19th and Early 20th Centuries] // *Sankt-Peterburg i strany Severnoy Yevropy* [Saint Petersburg and the Countries of Northern Europe]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii, 2006. P. 277–280.

Musayev V.I. *Problema rossiysko-finlyandskoy granitsy na Karel'skom peresheyke v XIX — nachale XX vv.* [The Russian-Finnish Border on the Karelian Isthmus in the 19th and Early 20th Centuries] // *Sankt-Peterburg i strany Severnoy Yevropy* [Saint Petersburg and the Countries of Northern Europe]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii, 2002. P. 63–67.

Musayev V.I. *Russkaya dachnaya zhizn' na Karel'skom peresheyke v kontse XIX — nachale XX v. i finlyandskoye obshchestvennoye mneniye* [Russian Dacha Life on the Karelian Isthmus in the 19th and Early 20th Centuries and Finnish Public Opinion] // *Mezhdunarodnyye otnosheniya i dialog kul'tur*. 2015. № 4. P. 160–176.

Musayev V.I. *Velikoye knyazhestvo Finlyandskoye i russkiye revolyutsionery (nachalo XX veka)* [The Grand Duchy of Finland and Russian Revolutionaries in the Early 20th Century] // *Sankt-Peterburg i strany Severnoy Yevropy* [Saint Petersburg and the Countries of Northern Europe]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii, 2004. S. 282–290.

Schweitzer R. *Konsensus v period mezhdu "narusheniyami konstitutsii": rossiysko-finlyandskiye otnosheniya ot tsarstvovaniya Nikolaya I do Fevral'skogo manifesta (1826–1899)* [Consensus in the Period between "Violations of the Constitution": Russian-Finnish Relations from the Reign of Nicholas I to the February Manifesto (1826–1899)] // *Russkiy sbornik: Issledovaniya po istorii Rossii* [Russian Collection: Research on the History of Russia]. T. XVII: *Finlyandiya i Rossiya* [Finland and Russia]. Moscow: Modest Kolerov, 2015. P. 144–197.

Поступила в редакцию
28 ноября 2020 г.